

Так умирал он, Джеймс Бьюхэннан Баарнс, в отрочестве нареченный Баки: на безымянном каменистом поле в окрестностях гэлльской крепости Дун-Летфинн, и наверняка тот ворон всё же выклевал ему глаза и вырвал печень. Потому что когда он пришёл в себя от нестерпимого желания облегчиться и открыл веки — он не увидел ни зги. Он ослеп. И было вокруг так темно, что страх слепоты морозной стрелой прокатился по хребту. И страх этот для него, воина, был столь силён, что он не выдержал и облегчился под себя, дурея от ненависти к собственному телу и тому, что он вообще мог запаниковать так сильно. Ведь он до сих пор слышал звуки ночного леса и отлично чувствовал своё израненное тело, и тепло мочи под задницей.

Осознание пришло к нему с запозданием. Когда глаза привыкли к крошечной темноте, и он разглядел огромные вековые ели и их разлапистые нижние ветви, заслоняющие свет звёзд. Когда почувствовал наконец во всей полноте выворачивающую боль во всём теле, оно словно жгло изнутри, и Баки почувствовал, как в сырой и холодной ночи он обливается потом. А значит, у него горячка. И то, что он жив — жив назло всем богам до сих пор! — это, скорее всего, ненадолго.

Он потянулся в темноту, пытаясь нащупать около себя что-нибудь острое, достаточное для защиты от ночного зверья — и вспомнил телом раньше, чем головой, холодея, что руки у него нет. Нет и больше не будет никогда. И его родовая вязь осталась на ней, и никто, ни одна живая душа теперь не скажет о нём, не прочтёт по её завиткам, что он — Джеймс Бьюхэннан Баарнс, сын Ургуса, победитель семи битв и второй наследник клановых земель. Всё это вплеталось в чёрную вязь на левой руке, той, что ближе к сердцу, и левую руку воины прижимали к рассеченной груди, когда клялись на крови — в знак чистоты своих намерений. А теперь нет у него ни фамильного знака зверя, ни клановых земель, ни имени отца. Всё осталось гнить где-то там, среди гор других мертвецов. И сейчас он только дух, безымянный дух, всё равно что мёртвый. Мать могла бы признать его, и отец, если захотел бы. Только не сделает этого. У него есть наследник, и старший брат Армус давно заправлял делами клана. Ему же, младшему, следовало прославлять клан перед королём всех пиктов Энгусом, сыном Фергуса, и идти вслед за ним огнём и мечом по Дал Риаде, не беря пленных, в знак святой мести за его убитого в святилище на острове Тори наследника короны сына Бруде. И он прославлял. Несколько крепостей Дал Риады пали от осады под его предводительством. Он сам, Джеймс Бьюхэннан Баарнс, сидел с королём Энгусом за одним столом и пил из одного кубка. Это было, но больше не будет никогда. Он не сможет прославлять имя клана в битвах, и отцу он таким не нужен. А значит, бессмысленно даже думать о возвращении.

Хуже такого позора только смерть. Прилюдное утопление, как делали с отступниками и предателями.

Под правую руку попало что-то холодящее пальцы, острое, и Баки поднял руку к глазам, удивляясь тому, что кровь может кипеть в его жилах так горячо. Его колотило. Он приставил руку с обломком ножа к горлу. Глотку словно драла изнутри лесная кошка — так больно было сглатывать сухую горькую слюну. Так сильно болело всё, так нестерпимо отвратительно было потерять всё из-за гэлльской хитрости, из-за неожиданного предательства. И даже если он сейчас жив, в этом нет никакого смысла, никакой цели. Его никто не признает из своих. А чужие добьют, не разбираясь. Зачем ждать?

Он надавил лезвием на кожу сразу под скулой, и новая боль не стала пугающее или сильнее. Он едва ли почувствовал её. Как вдруг рядом едва слышно шоркнули сухие иглы, и над ним

навис кто-то тёмным силуэтом, ловко вывернул из пальцев сталь, и Баки почувствовал прикосновение холодной, ледяной, как ручей талой воды у него дома, в горах, ладони.

И стало так нестерпимо хорошо от этой прохлады, что он с утробным страшным булькающим звуком потянулся к этому холоду, лишь бы он никогда не прекращался.

Но его прижали обратно к земле, ловко и осторожно. А после прохлады почувствовалась на челюсти, и он открыл рот. В глотку тут же полилось горькое, вязкое варево, которое он пытался выплюнуть — и не смог. Его держали за челюсть, не давая сомкнуть зубы, а после зажимали нос, заставляя сглатывать. И он глотал, задыхаясь от рвотных позывов, брезгливо чувствуя, как жижка течёт у него между губ и по щекам.

А после он переступил за черту тени, снова проваливаясь в небытие, как болотный бочаг, и уже из этой пустоты ощущая, как кипящая в его теле кровь успокаивается.

И ведь как сильно, как судорожно он, оказывается, хотел жить! Как отчаянно хотел цепляться за эту потрёпанную, истончившуюся нить и карабкаться даже по камням, по отвесной скале, обогащая кровью из отрубленной культи свой путь. Плевать, лишь бы жить, хоть как-нибудь. Дышать, видеть, чувствовать.

Он был трусом. Отец говорил, что мужчина должен уметь уйти победителем, воином. Джеймс Бьюхэннан Баарнс был трусом. Он не хотел умирать.

<http://erolate.com/book/3459/83601>